

Неулыбчивость — фирменный знак Земфиры.

ЧИСЛО МУРАШЕК, УМНОЖЕННОЕ НА СКОРОСТЬ ИХ БЕГА

Земфира как Эдит Piaф
в ранней стадии

Независимая газета — 2000 — 3 июня — с 7

ВТОРОЙ диск Земфиры, видимо, никак не мог ускользнуть от внимания российских радиослушателей и телезрителей. Рок-певица, похоже, в момент наивысшего накала рекламной кампании этого диска заменила Григория Явлинского, вещая «из каждого утюга». Кампания эта стала сама по себе событием, и можно долго дискутировать на тему — стоит ли вести такую массивную обработку аудитории.

Однако если абстрагироваться от успехов или провалов этой маркетинговой кампании, если не выяснять до бесконечности, кто есть Земфира — кактус или иное растение, и что стало с ее женихом (мамой, папой, продюсером), то все равно останется сам диск под названием «Прости меня, моя любовь». Можно разбить телевизор, отключить радио, вышвырнуть журналы с Земфирой на обложке и слушать сам диск.

Измерять и сопоставлять талантливость музыкантов — от Моцарта до Земфиры — можно путем умножения числа мурашек на скорость их бега по спине. Прочее — то есть объяснения, отчего человек талантлив — придумывается уже задним числом. Судя по мурашкам, Земфира — действительно талантливый рок-музыкант, и никакая рекламная кампания этому впечатлению помешать не может.

Это — талант крика, искренности и надрыва. Очень характерное явление для российской рок-сцены, где в почете полный минор и где не могли бы появиться, скажем, Элтон Джон или Китаро с безмятежным и торжественным великолепием их композиций. Наши рок-музыканты — «в монастырской тиши мы сподвижники главного воина, в инфракрасный приел мы видны как небесный ОМОН» (Борис Гребенщиков, «Навигатор»).

Исполнители чужих песен — это эстрада. Рок-музыканты — это поющие поэты; к Земфире это относится в полной мере, так, все песни ее второго диска написаны ею, слова и музыка. Очень трудно с первых тактов распознать голос Земфиры, но ее интонации — и ее особую мелодику, то есть опять же интонации — можно, хотя не в каждой песне. Это, скажем, скольжение вниз по наклонной — по хроматической гамме. У Земфиры хороший джазовый голос, но лучшее, на что он способен — это также нести под откос, то есть срываться на некий писк, то детски-восторженный, то отчаянный. От нехватки слов, сил или от неожиданного смеха. Так поет подросток, сам не понимающий крутой смены своих настроений.

И поэтому до сих пор на концертах Земфиры бывают интерес-

нее, чем слушать диск: этот музыкант пока что больше удивляет выбросом эмоций в толпу, в записи же таковые выглядят более пригласительно. Маленький чертенок Земфира устраивает перед залом настоящий стриптиз души — а это не подделка — но без видного ряда остается лишь музыка.

Музыка второго диска, во-первых, очень печальна даже когда она весела. Почему? — смотри название диска и саму песню «Прости меня, моя любовь» (кстати, попросту великолепною как по бессвязному лепету строк, так и по «скользящей вниз по хроматической гамме» музыке). Во-вторых, диск прекрасно срежиссирован и смешан (немало рок-музыкантов спотыкаются на этих граблях). В-третьих, это не сборник песен, а именно диск, где даже переставляя песни местами не стоит (и слушать их по отдельности — значит что-то терять). В общем, работа, заслуживающая уважения.

И в-четвертых, это диск, который нельзя повторить. Это — сумбурный набросок к поэме об очень грустном эпизоде в жизни, а такие эпизоды переживать бесконечно нельзя — нервы или деревенеют, или летят к черту. После этого диска Земфире как поэту и музыканту теперь остается лишь двинуться дальше и, подобно Полу Маккартни, долгие годы светить и греть как ровное и спокойное солнце или... погаснуть. Но на полувздохе и в застывшем полубороте находиться постоянно невозможно.

Земфира — поэт? Вообще-то тексты ее иной раз просто не лезут ни в какие грамматические или стилистические ворота — берем наугад заголовок первой песни диска: «шкалят датчики» (они, как известно, зашкаливают). Или — «в сердце поглубже вклеить портреты» нельзя. Однако именно две процитированные строки и запоминаются, и действительно трогают — благодаря

контексту, благодаря музыке. В конце концов тот же Гребенщиков как поэт, стоящий на несколько голов выше Земфиры, показал, что странные и невнятные строчки можно «дописывать» музыкой — а до него это показал Окуджава, а до него — Вертинский и так далее.

Но с другой стороны, суть «эффекта Земфиры» как раз в том и состоит, чтобы не лезть ни в какие ворота... изящных искусств. В известной мере вся рок-музыка — протест, вызов, но когда таковой становится стандартной маской для коммерческого успеха, искренние бунтовщики типа Земфиры на этом фоне еще виднее. Рок-музыкант Земфира (в отличие от гражданки Земфиры Рамазановой) олета на сцене иной раз кошмарно (даже по стандартам рока), ее зализанная прядь поперек глаза ужасна, акцент... даже, точнее, интонации режут ухо носителю высокой речи. Неделикатно рассуждать, что здесь — образ, а что — часть самой Земфиры. Но так или иначе, образ этот очень узнаваем и надолго еще сохранит ей когорту верных поклонников, точнее поклонниц.

Это — тысячи, сотни тысяч девушек из провинции, сбжавших покорять Москву (где «читают в метро Набокова») и далее — весь мир, подальше от безысходности жизни захолустного города. Это их прядка на глаз, их немосковский акцент, их вечная проблема: уже не оттуда, но и не отсюда. В принципе это очень тяжелая дорога, и мы, к нашему счастью, мало о ней знаем. А у Земфиры об этом строчек немало. «А девушка пьяна уже который день» или, скажем, «кого-то ждет вокзал, кого-то ждут домой» и многое, очень еще многое. И если «раннюю Пугачеву» называли в свое время «певицей для влюбленных продавщиц», то «ранняя Земфира» — певица для борющихся за себя девушек-провинциалок.

Этот образ кому-то, возможно, кажется жестоким и беспощадным, но давайте вспомним, как начинала Эдит Piaф. Она поражала невзрачностью и маленьким ростом, так не соответствовавшим ее мощному голосу, и еще более — ужасным рычащим парижским акцентом (который во Франции считается тоже провинциальным). На эстраде оказалась уличная певица — и в этом была ее сила. Конечно, это было только начало Piaф, и ей пришлось пройти еще длинный путь до того момента, когда гроб ее был накрыт знаменем Франции. Конечно, десятилетия, наверное, певец исходил из той же точки, что и Piaф, но кончили куда хуже. И все же история жизни «воробышка Франций» начиналась очень похоже на биографию «московского зблика» Земфиры, пусть даже последней и не бросали деньги из окон за ее песни...